

**Пишем сочинения по
роману**

М.Ю. Лермонтова

**"Герой
нашего времени"**

Пишем сочинения

по роману М.Ю. Лермонтова

«Герой нашего времени»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Грамотей

Содержание

Вступление	4
Жанр, сюжет и композиция романа	5
Язык романа	12
Пейзаж и его роль в романе	17
Печорин	18
Грушницкий	42
Доктор Вернер	44
Максим Максимыч	46
Образы простых, близких к природе людей	48
Женские образы романа	49
«Водяное общество»	52
Сравнительная характеристика Печорина и Онегина	53
Идейное и историко-литературное значение романа	55

Вступление

Настоящим шедевром художественной прозы Лермонтова является его знаменитый роман «Герой нашего времени», вышедший в свет в 1841 г.

В творческой системе Лермонтова его роман «Герой нашего времени» занимает такое же место, как и роман «Евгений Онегин» в творчестве Пушкина.

В этом романе поэт выразил свои глубокие раздумья над бытом дворянского общества, развивая ту же тему, что и в элегии «Дума». В нем он показал трагедию лучших людей своего общества и времени и в нем же поставил вопрос, откуда и в каком направлении должны развиться здоровые начала русской жизни.

Осудив прошлое, разоблачив настоящее, поэт показал в лице своего героя трагедию неудовлетворенности лучших людей своего времени и их смутную тоску по лучшему будущему.

Идейный замысел романа обозначен в его заглавии и дважды объяснен самим автором в предисловии ко всему роману и в особом предисловии к «Журналу Печорина»: «Герой нашего времени, милостивые государи мои, — писал Лермонтов, — точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии».

А. Зерчанинов

Вершиной творчества Лермонтова, естественным завершением краткого творческого пути поэта является роман «Герой нашего времени». В своих романтических пьесах и поэмах Лермонтов ставит проблему героя, сильной личности, столь не похожей на представителей дворянского общества 30-х годов и противопоставленной им. В «Княгине Лиговской» заметно стремление реалистически воссоздать современную действительность. Лирика, раскрывая внутренний мир поэта, давала ему опыт психологического анализа. Все эти тенденции творчества с наибольшей глубиной проявились в прозе Лермонтова.

«Герой нашего времени» в основном был написан еще в 1838—1839 годах. Три части его были напечатаны в 1839 — начале 1840 года в «Отечественных записках» — «Бэла», «Фаталист», «Тамань», причем в редакционном примечании сообщалось, что М. Ю. Лермонтов в непродолжительном времени издает собрание своих повестей, и напечатанных и ненапечатанных. Обещанная книга появилась в мае 1840 года, но не в виде собрания повестей, а как цельное произведение, как

роман, состоящий из нескольких частей. К ранее опубликованным повестям Лермонтов прибавил две части: «Максим Максимыч» и «Княжна Мери». Ко второму изданию (1841) Лермонтов присоединил предисловие, написанное им, по всей вероятности, во время последнего пребывания в Петербурге и являющееся отчасти возражением на критические статьи о романе, появившиеся в журналах.

Основной задачей, стоящей перед Лермонтовым при создании романа, было зарисовать образ современного ему молодого человека. Сам Лермонтов говорит, что ему «было весело рисовать современного человека, каким он его понимает и... часто встречал». Эта творческая задача во многом была подсказана пушкинским «Евгением Онегиным», что почувствовал Белинский, назвавший Печорина Онегиным нашего времени. Поэт сам ощущал эту связь, что сказалось в частых цитатах из пушкинского стихотворного романа. Но он рисовал героя своего времени, эпохи, наступившей после разгрома восстания декабристов.

С. Петров

Печорин

Печорин – светский молодой человек, офицер, сосланный на Кавказ после «нашумевшей в Петербурге истории». Из рассказа о своей жизни, которым Печорин поделился с Максимом Максимычем («Бэла»), мы узнаем, что Печорин, как только вышел из опеки «родных», стал наслаждаться «бешеными удовольствиями», которые скоро ему «опротивели». Потом он «пустился в большой свет», но и светское общество скоро ему надоело. Не удовлетворяла его и любовь светских красавиц. Он стал читать, учиться – науки также ему надоели. Ему стало скучно. Когда его перевели на Кавказ, он думал, что «скука не живет под чеченскими пулями», но он скоро привык к жужжанью пуль, и ему стало скучнее прежнего.

Итак, в ранней молодости Печорин быстро пресытился светскими удовольствиями и пытается найти смысл жизни в чтении книг, которые ему так же быстро надоедают. Печорин занимается поисками смысла жизни, разочаровывается и глубоко страдает. Судьба и настроение Печорина определяются той мрачной эпохой, в которую он живет. После разгрома декабризма в России наступило глухое время николаевской реакции. Всякая общественная деятельность стала еще более недоступной для культурного человека. Всякое проявление живой, свободной мысли преследовалось. Люди, наделенные умом, способностями, люди с серьезными интересами не могли найти применения своим духовным силам... В то же время пустая светская жизнь их не удовлетворяла. Сознание полной невозможности найти применение своим силам было особенно тягостно для людей 30–40 годов потому, что после разгрома восстания 14 декабря у них не было надежды на близкую перемену к лучшему.

Печорин – человек умный, одаренный, смелый, культурный, критически относящийся к окружающему обществу, любящий и чувствующий природу.

Он прекрасно разбирается в людях, дает им точные и меткие характеристики. Он очень хорошо понял Грушницкого, доктора Вернера. Он заранее знает, как будет вести себя в том или другой случае княжна Мери.

Печорин очень смел и обладает исключительной выдержкой. Во время дуэли только по лихорадочному пульсу доктор Вернер смог убедиться, что Печорин волнуется. Зная, что его пистолет не заряжен, в то время как его противник стрелял из заряженного, Печорин ничем не выдает своим врагам, что ему известна их «хитрость» («Княжна Мери»). Он смело бросается в избу, где с пистолетом в руке сидит убийца Вулича, готовый убить каждого, кто посмеет его тронуть («Фаталист»).

В «Журнале» (дневнике) Печорина мы находим кстати приведенные цитаты из классических произведений Грибоедова, Пушкина, имена писателей, названия произведений, имена героев произведений русских и иностранных. Все это свидетельствует не только о начитанности Печорина, но и о глубоком знании им литературы.

Беглые замечания автора «Журнала» по адресу представителей дворянского общества дают уничтожающую характеристику жалким и пошлым людям, окружающим Печорина.

Вызывает сочувствие резко критическое отношение Печорина к самому себе. Мы видим, что дурные поступки, совершаемые им, причиняют страдание, прежде всего, ему самому.

Печорин глубоко чувствует и понимает природу. Он любит «скакать на горячей лошади по высокой траве, против пустынного ветра». Общение с природой благотворно действует на Печорина. «Какая бы горесть ни лежала на сердце, какое бы беспокойство ни томило мысль, – все в минуту рассеется, на душе станет легко, усталость тела победит тревогу ума».

Описывая утро накануне дуэли с Грушницким, Печорин говорит: «Я помню, – в этот раз больше, чем когда-нибудь прежде, я любил природу. Как любопытно всматривался я в каждую росинку, трепещущую на широком листке виноградном и отражавшую миллионы радужных лучей! Как жадно взор мой старался проникнуть в дымную даль!»

Накануне дуэли Печорин с грустью и горечью размышляет о себе. Он уверен, что был рожден для высокой цели, потому что, пишет он, «я чувствую в душе моей силы необъятные. Но я не угадал этого назначения, а увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений – лучший цвет жизни...»

И вот такой, «рожденный для высокой цели», духовно одаренный человек вынужден жить в бездействии, в поисках приключений, тратя свои «необъятные силы» на мелочи. Он ищет наслаждения в женской любви, но любовь приносит ему только разочарование и огорчение. С кем ни связывает свою судьбу Печорин, эта связь, как бы кратковременна она ни была, приносит горе (а иногда и гибель) и ему, и другим людям. Его любовь принесла гибель Бэле; его любовь сделала несчастной преданную ему Веру; трагически кончились его отношения с княжной Мери – рана, нанесенная Печориным чуткой, нежной, искренней Мери, долго не заживет в сердце молодой девушки; своим появлением Печорин разрушил мирную жизнь «честных контрабандистов» («Тамань»). Печорин убил Грушницкого, Печорин глубоко огорчил доброго Максима Максимыча, который искренне считал его своим другом.

Глубокое и страшное противоречие: умный, способный на горячий порыв, умеющий ценить людей, смелый, сильный Печорин в жизни оказывается не у дел, и близость с ним причиняет другим людям только несчастье! Кто виноват в этом? Сам ли Печорин? И в том ли его вина, что он «не угадал» своего высокого назначения?

Нет, не он виноват в своем несчастье. Противоречие его натуры объясняется тем, что во времена Печорина люди одаренные, ищущие, люди с глубокими интересами, с серьезными потребностями, не довольствующиеся пустой, бессодержательной жизнью, которую они вынуждены были вести, не находили применения своим «необъятным силам» и «в бездействии старились». Умный, одаренный человек, лишенный живого, захватывающего его дела, поневоле обращается к своему внутреннему миру. Он, как говорится, «копается в себе», разбирает каждый свой поступок, каждое душевное движение.

Так ведет себя Печорин. Он говорит о себе: «Я давно уже живу не сердцем, а головою. Я взвешиваю, разбираю свои собственные поступки и страсти со строгим любопытством, но без участия. Во мне два человека, один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его...»

При всех своих положительных качествах Печорин не может быть воспринят как положительный герой. Самое слово «герой» в заглавии романа в применении к Печорину звучит иронически. Печорин — представитель поколения, осмеянного в «Думе». В нем нет не только возможности действовать, в нем нет веры, действенной любви к людям, готовности пожертвовать для них собою; Печорин тяготится бездействием, но, главным образом, потому, что оно заставляет страдать его, а не потому, что он не может принести облегчение страдающим вокруг него

людям... Он, по выражению Герцена, «умная ненужность». Человек, живущий в годы николаевской реакции, он не принадлежит к тем людям 40-х годов, о которых с гордостью говорил Герцен: «Такого круга людей, талантливых, многосторонних и чистых, я не встречал потом нигде...»

Для того чтобы лучше понять Печорина, Лермонтов показывает его в разной обстановке, и разных условиях, в столкновениях с разными людьми.

Большое значение имеет детальное описание его внешности («Максим Максимыч»). В чертах внешнего облика Печорина отражается его характер. Внутренняя противоречивость Печорина подчеркивается в его портрете.

С одной стороны, «стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочей жизни и перемены климатов...»

С другой – «когда он опустился на скамью... положение всего его тела изобразило какую-то нервическую слабость; он сидел, как сидит бальзакова 30-летняя кокетка... после утомительного бала». «Несмотря на светлый цвет его волос, усы его и брови были черные...» – «признак породы в человеке», – поясняет автор. Еще одну странную черту выделяет Лермонтов в портрете своего героя: глаза Печорина «не смеялись, когда он смеялся». Это, по словам автора, «признак или злого нрава или глубокой, постоянной грусти». Когда прочитаны все части романа, становится понятной эта черта Печорина.

А. Зерчанинов, Н. Колокольцев, В. Литвинов

Белинский сказал о Печорине: «Это Онегин нашего времени, герой нашего времени. Несходство их между собой гораздо меньше расстояния между Онегою и Печорюю». Герцен тоже назвал Печорина «младшим братом Онегина». Действительно, между Печориным и Онегиным много сходства. Оба они – представители светского общества, принадлежат к одному и тому же общественному кругу Петербурга. Много общего в истории их молодости: та же вначале погоня за светскими удовольствиями, та же затем разочарование в них, та же попытка заняться наукой, чтением книг и охлаждение к ним, та же овладевшая ими скука. Так же, как и Онегин, Печорин стоит выше окружающей его среды. Оба они являются типичными представителями мыслящих, передовых людей своего времени, критически относящихся к жизни и людям.

Но на этом сходство и кончается. Печорин – иной, чем Онегин, человек по своим душевным силам, он и живет в других социально-политических условиях, которые и определили его отличие от Онегина.

Онегин жил в 20-е годы, до декабрьского восстания, в пору общественно-политического оживления. Печорин – представитель 30-х годов, времени разгула реакции, когда декабристы, дворяне-революционеры, уже были разбиты, а революционеры-демократы как массовый деятель еще не появились, когда общественное движение на время затормозилось. Для Онегина была возможность уйти к декабристам (что и думал показать Пушкин в X главе романа), Печорин был лишен такой возможности. Вот почему Белинский сказал, что «Онегин скулает, Печорин глубоко страдает».

Положение Печорина тем тягостнее, трагичнее, что он и по натуре своей гораздо одареннее и глубже Онегина.

Природная одаренность Печорина резко бросается в глаза читателям романа, которые невольно видят в нем настоящего героя, намного превосходящегося над всеми персонажами. Эта одаренность проявляется в глубоком уме, сильных страстях и стальной воле Печорина. Природный ум Печорина, развитый и обогащенный культурой и богатым жизненным опытом, делает его пронзительным человеком, безошибочно разгадывающим людей и их душевные переживания. Характеристики, даваемые им людям, точны и метки. Сердце Печорина способно глубоко и сильно чувствовать, хотя внешне он держится спокойно, ибо «полнота и глубина чувств и мыслей не допускает бешеных порывов».

Печорин – сильная, волевая натура, жаждущая действия, живой деятельности. Белинский отмечает в Печорине «силу духа и могущество воли».

Но при всей своей одаренности и богатстве духовных сил Печорин, по его собственному справедливому определению, – «нравственный калека». Весь его характер и все его поведение отличаются крайней противоречивостью.

Эта противоречивость отчетливо сказывается уже в его внешности, отражающей, как и у всех людей, по мнению Лермонтова, внутреннее, душевное содержание человека. Рисуя портрет Печорина, Лермонтов настойчиво подчеркивает противоречивость, странность своего героя. Так, например, глаза Печорина «не смеялись, когда он смеялся». Объясняя такую странность, Лермонтов говорит: «Это признак или злого нрава, или глубокой, постоянной грусти...» «Взгляд его – непродолжительный, но пронзительный и тяжелый, оставлял по себе неприятное впечатление нескромного вопроса и мог бы казаться дерзким, если бы не был столь равнодушно-спокоен».

Походка Печорина «была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками, – верный признак некоторой скрытности характера».

С одной стороны, у Печорина «крепкое сложение», с другой – «неврвическая слабость», напоминающая слабость «бальзаковской тридцатилетней кокетки», сидящей «на своих пуховых креслах после утомительного бала».

Печорину около 30 лет, а «в его улыбке что-то детское».

Максим Максимыч тоже поражался странностям Печорина, двойственным проявлениям его характера: «В дождик, в холод целый день на охоте; все иззябнут, устанут, – а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнет, уверяет, что простудился; ставнем стукнет, он издрогнет и побледнеет, а при мне ходил на кабана один на одни...»

Эта противоречивость Печорина и раскрывается в романе со всей полнотой, обнаруживая, по определению Лермонтова, «болезнь» поколени его времени.

«Целая моя жизнь, – указывает сам Печорин, – была только цепь грустных и неудачных противоречий сердцу или рассудку». В чем же проявляются эти противоречия?

Во-первых, в его отношении к жизни. С одной стороны, Печорин – скептик, разочарованный человек, который живет «из любопытства», с другой – в нем огромная жажда жизни, деятельности.

Во-вторых, в нем борется рассудочность с требованиями чувства, ум и сердце. Печорин говорит: «Я давно уж живу не сердцем, а головою. Я взвешиваю, разбираю свои собственные страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия». Но в то же время у Печорина горячее сердце, способное глубоко понимать и любить природу как воплощение жизни: «Какая бы горесть ни лежала на сердце, – говорит он, – какое бы беспокойство ни томило мысль, все на минуту рассеется, на душе станет легко».

Третье противоречие натуры Печорина сказывается в его отношениях к женщинам. С одной стороны, свое внимание к женщинам, желание добиться их любви он сам объясняет потребностью своего честолюбия, которое, по его определению, «есть не что иное, как жажда власти, а первое мое удовольствие, – говорит он далее, – подчинять моей воле все, что меня окружает: возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха – не есть ли первый признак и величайшее торжество власти?» Так он объясняет мотивы своего поведения по отношению к княжне Мери.

С другой стороны, Печорин не такой уж, бессердечный эгоист. Он способен на глубокую любовь. Об этом говорит нам его отношение к

Вере. Получив ее последнее письмо, Печорин, «как безумный, выско- чил на крыльцо, прыгнул на своего Черкеса... и пустился во весь дух, по дороге в Пятигорск... Одну минуту, еще одну минуту видеть ее, проститься, пожать ее руку... При возможности потерять ее навеки, – пишет он, – Вера стала для меня дороже всего на свете, – дороже жизни, чести, счастья!» Оставшись без коня в степи, он «упал на мокрую траву и, как ребенок, заплакал».

Эта противоречивость и не дает возможности Печорину жить всей полнотой жизни и деятельности. Он чувствует глубокую неудовлетворен- ность; с горьким чувством он расценивает себя, как «нравственного кале- ку», у которого «высохла, испарилась, умерла» лучшая половина души.

Накануне дуэли, вспоминая всю свою прошедшую жизнь, Печорин задумался над вопросом: зачем он жил, для какой цели родился? Отве- чая на этот вопрос, он пишет в своем дневнике: «А, верно, она суще- ствовала и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные». Но Печорин не нашел этого своего «вы- сокого назначения», не нашел деятельности, достойной его «необъят- ных сил». Он тратит богатые силы свои на действия, его недостойные: разрушает жизнь «честных контрабандистов», похищает Бэлу, добива- ется любви Мери и отказывается от нее, убивает Грушницкого. Всем, с кем он соприкасается, он приносит горе или даже гибель: погibli Бэла и Грушницкий, несчастны Вера и Мери, до глубины души огорчен Мак- сим Максимыч: сухая встреча его Печориным заставила бедного ста- рика страдать и усомниться в возможности искренних, дружеских отношений между людьми.

Вот оно, самое страшное противоречие: «необъятные силы души» – и мелкие, недостойные Печорина действия; стремление «любить весь мир» – и внесение в жизнь людей одного лишь зла и несчастья: нали- чие благородных, высоких стремлений – и мелкие чувства, владеющие душой; жажда полноты жизни – и полная безнадежность, осознание своей обреченности.

Кто же виноват в том, что Печорин превратился в «умную ненужность», в лишнего человека, в «нравственного калеку»? Сам Печорин отвечает на этот вопрос так: «Во мне душа испорчена светом», т.е. тем светским обще- ством, в котором он жил и уйти от которого не смог. «Моя бесцветная молодость протекла в борьбе с собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца: они там и умерли».

Но дело здесь не вообще в дворянском обществе. В 20-е годы из этого общества вышли и декабристы. Дело в том, что Печорин – чело-

век 30–х годов, он герой нашего времени, как называет его Лермонтов. В предисловии к роману Лермонтов прямо указывает, что Печорин – не исключение, а типичный представитель «всего нашего поколения», так полно и точно охарактеризованного поэтом в стихотворении «Дума».

С. Флоринский

Как человек умный и сильный, стоящий над общим уровнем, Печорин принадлежал к той же семье демонических натур, с которыми мы постоянно встречались в произведениях Лермонтова. Он родственник Демона, Арбенина, Радина, Арсения и Измаила, и он, вместе с тем, дальнейшее развитие всех этих типов.

Душа Печорина для нас достаточно темна и загадочна. Его внутренний мир изложен перед нами не в одной общей и связной картине, а в отрывках, которые позволяют нам лишь украдкой заглянуть ему в душу. Его прошлое нам почти неизвестно, на будущее не дано никакого намека.

«Герой нашего времени», как известно, вызвал сильное разногласие в критике. Одни видели в Печорине тип умного прогрессивного человека, но загубленного обстоятельствами жизни; другие – тип светского денди, довольно пошлого и совсем бесцельно существующего на свете. Источник этого разногласия заключается в туманности самого образа, в том, что образ, взятый из современной жизни и поставленный в такую реальную обстановку, тем не менее, слишком общий и условный.

Лермонтов сам сознается в предисловии ко второму изданию своего романа, что Печорин портрет не одного какого-нибудь человека; что это портрет, составленный из пороков всего тогдашнего поколения, в полном их развитии. Так как все эти пороки совместить в одном типе без нарушения жизненной правды было невозможно, то и получились противоречия.

Взять хотя бы смешение глубокой и искренней любви с кокетством и издевательством Печорина над женщиной; или неподдельную меланхолию с постоянной жаждой выставлять себя напоказ и порисоваться.

Печорин прав, говоря про себя, что в нем живут две души: они жили и в самом авторе, когда он писал свой роман. Как в Лермонтове не было установившихся взглядов на жизнь, так нет их и в Печорине, несмотря на то, что он стремится всегда быть последовательным и логичным в своих поступках.

Но Печорина отличает от самого Лермонтова одна очень яркая черта его характера, а именно – его духовное безделье и полное отсутствие

думы о будущем. Лермонтов постоянно имел в виду свое будущее, и ради него пытался распутать сложные вопросы жизни. Печорин порешил все эти вопросы разом, подавив в себе всякую попытку решить их. Он помирился с жизнью чисто пассивно, тогда как, по природе своей был предрасположен к активной роли. В данном противоречии принятого решения с природными свойствами человека дан ключ к пониманию этого темного характера, в котором, бесспорно, много жизненной правды, но много и поэтического вымысла.

Печорин никак не может быть назван установившимся характером; он – неустановившийся, порывистый человек, которого обстоятельства жизни и среда, даже простая случайность, могут направить совершенно неожиданно на самые различные дороги. Увлечение и энтузиазм лишь на время уравновешены в нем разочарованием и холодностью; но любой даже пустой случай, легко может нарушить это искусственное равновесие. «У меня врожденная страсть противоречить, – говорил про себя Печорин, – целая моя жизнь была только цепь грустных противоречий сердцу и рассудку. Присутствие энтузиаста обдаёт меня крещенским холодом; и я думаю, частые сношения с вялым флегматиком сделали бы из меня страстного мечтателя».

С самим Печориным, в котором автор сумел на мгновение уравновесить обе половины своей бурной души, никогда не знавшей покоя, мы встречаемся в первый раз в 1836 году, в повести «Княгиня Лиговская». Эта повесть носит, бесспорно, автобиографический характер, в чем можно убедиться, сравнив рассказ о воспитании Печорина, героя «Княгини Лиговской», и о его офицерской жизни, с теми сведениями, какие сохранились о молодости самого автора.

Молодой светский офицер, Григорий Александрович Печорин, когда-то был женихом молодой особы, вышедшей не по любви замуж за князя Лиговского.

Печорин очень молодой человек, но несмотря на молодость, с богатым по-видимому прошлым, как все герои Лермонтова. Человек гордый, он любил играть роль; но эта роль давалась ему с трудом. Он «искал пьедестала, встав на который, он мог бы заставить толпу взглянуть на себя», «он оскорблялся равнодушием света к нему, потому что оценил свет в настоящую его цену. Он знал, что заставить говорить о себе легко; но знал также, что свет два раза сряду не занимается одним и тем же лицом». «У него прежде было занятие – сатира». Эта сатира была не простой насмешкой, но отзывалась злостью и презрением, которые родились в гордой душе Печорина как следствие замкнутой жизни и не-

доверия к людям. Он чувствовал в себе избыток сил и считал себя вправе требовать, чтобы и другие оказывали этим скрытым силам должное почтение. Хотя на его лице были «глубокие следы прошедшего и чудные обещания будущего» и «толпа говорила, что в его блестящих глазах есть что-то», – тем не менее, в обществе он не был замечен. Общество, свет, и, главным образом, женщины – вот арена, на которой пока он пробовал свои силы. «Увлекаясь сам наружной красотой и обладая умом резким и пронизательным, Печорин умел смотреть на себя с беспристрастием и, как обыкновенно люди с пылким воображением, преувеличивать свои недостатки. Убедясь по собственному опыту, как трудно влюбиться в одни душевные качества, он сделался недоверчив и приучился объяснять внимание и ласки женщин расчетом или случайностью. В том, что казалось бы другому доказательством нежной любви, он пренебрежительно видел приметы, обманчивые слова, сказанные без намерения, взгляды, улыбки, брошенные на ветер первому, кто захочет их поймать. Другой бы упал духом и уступил соперникам поле сражения, но трудность борьбы увлекает упорный характер, и Печорин дал себе честное слово остаться победителем».

Рассказ «Княгиня Лиговская» должен был познакомить нас с этими победами; но он не был окончен, и все, что мы знаем о Печорине с этой стороны – это интрига с замужней женщиной, которая была прежде его невестой, глубокая затаенная любовь героя и его месть за оскорбленное самолюбие. Печорин, обманутый одной женщиной, вымещает свою злобу на другой, и вымещает очень некрасивым способом.

Для характеристики самого Печорина рассказ «Княгиня Лиговская» дает немного. В этом рассказе Печорин – человек пока еще с неустановившимся характером, человек, в котором развивающийся эгоизм и пессимизм одерживают последние победы над умирающим прежним идеализмом.

Но годы взяли свое, – и Печорин, как «Герой нашего времени», успел выработать несколько иную житейскую философию – хладнокровную и спокойную. Многое в жизни утратило для него «прелесть и новизну; он стал чувствовать необходимость покоя, который и нашел в пассивном примирении с жизнью. Печорин-романтик превратился в холодного и рассудочного человека – но лишь на очень короткий срок.

Еще Белинский сказал про Печорина, что этот человек сам себя не понимает и нередко на самого себя клеветает.

Говоря о Печорине, мы должны помнить, что мы имеем дело с человеком очень нервным и капризным и поэтому должны отказаться от

мысли найти строгую последовательность в его речах и поступках. Человеку простому, каков, например, Максим Максимыч, такая натура должна была показаться загадочной, а другому человеку все поведение Печорина может казаться просто фальшивой позой. Но если Печорин действительно загадочная натура в том смысле, что автор соединил в нем жизненную правду с большой долей поэтического вымысла, то, во всяком случае, позы, т.е. неискреннего проявления неиспытанного чувства, в Печорине нет. Он обладает только способностью совмещать в себе целый ряд противоречивых чувств, из которых каждое глубоко захватывает его душу.

Внешний вид Печорина и его поведение соответствовали его странному темпераменту: «Стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов, не побежденное ни разворотом столичной жизни, ни бурями душевными... Его походка была небрежна и ленива, но он не размахивал руками – верный признак некоторой скрытности характера... С первого взгляда на лицо его, – говорит автор, – я бы не дал ему более двадцати трех лет, хотя после я готов был дать ему тридцать. В его улыбке было что-то детское. Его кожа имела какую-то женскую нежность. Несмотря на светлый цвет его волос, усы его и брови были черные... Его глаза не смеялись, когда он смеялся. Это признак или злого нрава, или глубокой, постоянной грусти. Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском, если можно так выразиться. То не было отражение жара душевного или играющего воображения: то был блеск, подобный блеску гладкой стали, – ослепительный, но холодный; взгляд его – непродолжительный, но пронизательный и тяжелый, оставлял по себе неприятное впечатление нескромного вопроса, и мог бы показаться дерзким, если бы не был столь равнодушно спокоен».

Такая внешность сама говорит за себя; она полна странных сочетаний и демонической красоты, как поступки героя полны капризов и неожиданными: «В дождик и холод он бывал целый день на охоте; все иззябнут, устанут, а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнет, уверяет, что простудился; ставень стукнет, он вздрогнет и побледнеет, а ходил на кабана один на один; бывало, по целым часам слова не добьешься, зато уж иногда начнет рассказывать, так животики надорвешь от смеху!»

Нет сомнения, что личность героя была обаятельна, тем более, что никто при встрече с ним не мог сказать наперед, что он услышит. Склон-

ность к парадоксам и сдержанность в разговорах еще более интриговали окружающих. Сам Печорин отлично понимал свое выгодное положение, и потому разговоры его были отрывочны и кратки. Скрытность осталась одной из черт его характера.

Несмотря на эту скрытность, в романе Лермонтова есть много того, что может служить обвинительными речами против героя романа. Например, его цинично откровенные слова о любви и дружбе.

«Есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она, как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца, его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет! Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встречается на пути; я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы. Сам я больше не способен безумствовать под влиянием страсти; честолюбие у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось в другом виде; ибо честолюбие есть не что иное, как жажда власти, а первое мое удовольствие – подчинить моей воле все, что меня окружает. Возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха – не есть ли первый признак и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права – не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастье? Насыщенная гордость. Если б я почитал себя лучше, могущественнее всех на свете, я был бы счастлив; если б меня любили, я в себе нашел бы бесконечные источники любви. Зло порождает зло: первое страдание дает понятие об удовольствии мучить другого. Идея зла не может войти в голову человека без того, чтобы он не захотел приложить ее к действительности. Идеи – создания органические, сказал кто-то; их рождение дает уже им форму, и эта форма есть действие; тот, в чьей голове родилось больше идей, тот больше других действует. От этого гений, прикованный к чиновничьему столу, должен умереть, или сойти с ума, точно так же, как человек с могучим телосложением при сидячей жизни и скромном поведении умирает от апоплексического удара.

Есть минуты, когда я понимаю вампира... а еще слышу добрым малым и добиваюсь этого названия».

А что такое дружба в глазах Печорина? На этот вопрос он дает ответ вполне ясный: «Я к дружбе не способен: из двух друзей всегда один раб другого, хотя часто ни один из них в этом себе не признается; рабом я быть не могу, а повелевать в этом случае труд утомительный, потому что

надо вместе с этим и обманывать, да притом у меня есть лакеи и деньги». Едва ли найдется другое, более циничное определение дружбы.

Любовь и дружба – единственные чувства, о которых герой говорит откровенно и ясно. Остальные вопросы, которые жизнь ставит человеку, почти обойдены им молчанием. В одном месте он вскользь говорит о том, что вообще не имеет убеждений; в другом – бросает несколько скептических фраз о бессмертии души; в третьем – мимоходом упоминает о своем безотрадном будущем.

Таким образом, Печорин, если верить его словам, один из самых черствых эгоистов, для которого все чувства обязательны лишь настолько, насколько они доставляют ему самоуслаждение. Нравственного закона для него не существует. Однако в самой его природе были нравственные черты, которые своим невольным проявлением опровергали высказанные им сентенции. Разум диктовал ему одно, а сердце иногда подсказывало совсем иное.

Хотя бы его любовные похождения. Этот человек, понимающий любовь в достаточно циничном смысле, бывает в любви и нежен, и искренен. Сколько искренней непосредственности в его отношениях к Бэле. Человек способный и хладнокровный, он теряет всякую выдержку, столкнувшись с этой женщиной. Но, конечно, дикая и нехитрая натура этой женщины не могла надолго занять ум и чувства Печорина. Он сам в этом вопросе признавался: «Когда я увидел Бэлу в своем доме; когда в первый раз, держа ее на коленях, целовал ее черные локоны, я, глупец, подумал, что она ангел, посланный мне сострадательной судьбой... Я опять ошибся: любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни. Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодарен за несколько минут довольно сладких, я за нее отдам жизнь – только мне с ней скучно».

Печорин говорит правду; доказательством тому служит его искренняя печаль после смерти уже не любимой им женщины. Предсмертные слова Бэлы «он слушал молча, опустив голову на руки, но только во все время Максим Максимыч не заметил ни одной слезы на ресницах его: в самом ли деле он не мог плакать, или владел собой, но только жальче его никогда никто не был».

То же беспокойное состояние духа, при видимом спокойствии, заметно и в его отношениях к княжне Мери; его зарождающаяся любовь была, однако, несравненно слабее и рассудочнее, чем любовь к Бэле. Печорин ощущал сильную потребность в любви. Несмотря на аффектированное равнодушие к женскому полу, он сам говорит о себе по этому поводу: «я уж прошел тот период жизни душевной, когда ищут только

счастья, когда сердце чувствует необходимость любить сильно и страстно кого-нибудь; теперь я только хочу быть любимым и то очень немногими, даже, мне кажется, одной постоянной привязанности мне было бы довольно: жалкая привычка сердца!»

Такую ровную и глубокую привязанность Печорин нашел в Вере, но это, однако, не помешало ему чуть не влюбиться в княжну Мери. Несколько раз он спрашивает себя: не влюбился ли он в самом деле в эту княжну, которую он сначала только сердил и интриговал. «Неужто я влюблен, – говорил он, – я так глупо создан, что этого можно от меня ожидать». «Не кстати было бы мне говорить о них (женщинах) с такой злостью, мне, который, кроме их, на свете ничего не любит, мне, который всегда готов был им жертвовать спокойствием, честолубием, жизнью. Женщины должны были бы пожелать, чтобы все мужчины их так же хорошо знали, как я, потому что я люблю их в сто раз больше с тех пор, как я их не боюсь и постиг их мелкие слабости».

Печорин действительно способен на глубокую любовь. Сдержанный светский лев становится, как Демон, мягким и нежным любовником: «Сердце мое болезненно сжалось, – говорит Печорин, – после свидания с Верой, как после первого расставания. О! как я обрадовался этому чувству: уж не молодость ли с своими благотворными бурями хочет вернуться ко мне опять, или это только ее прощальный взгляд, последний подарок на память?.. А смешно подумать, – добавляет он, как бы невольно чувствуя прилив молодых сил, – что на вид я еще мальчик: лицо хотя бледно, но еще свежо; члены гибки и стройны; густые кудри вьются, глаза горят, кровь кипит».

Под внешним хладнокровием и презрительным отношением ко всем и ко всему, в Печорине кроется глубокая поэтическая натура. Трудно найти человека, который был бы так восприимчив к красотам природы, как он. Созерцание природы – для него момент духовного обновления. «Весело жить в такой земле, – говорит герой о Кавказе. Какое-то отрадное чувство разлито во всех моих жилах. Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка; солнце ярко, небо синее, – чего бы, кажется, больше? Зачем тут страсти, желания, сомнения?» «Я люблю скакать на горячей лошади по высокой траве, против пустынного ветра, с жадностью глотаю я благовонный воздух и устремляю взор в синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметов, которые ежеминутно становятся все яснее и яснее. Какая бы горесть ни лежала на сердце, какое бы беспокойство ни томило мысль, – все в минуту рассеется; на душе станет легко: усталость тела победит тревогу ума. Нет женского взора, которого бы я не забыл при виде кудря-

вых гор, озаренных южным солнцем, при виде голубого неба или внимая шуму потока, падающего с утеса на утес».

Человек, который способен так понимать и чувствовать природу, который, кроме того, способный до самозабвения погружаться в нее, – не может назваться сухим и черствым.

Итак, Печорин сознавал двойственность своей природы. Смутное ощущение, что он, в сущности, вовсе не эгоист и способен на «благородные порывы», никогда его не покидало и Печорин отнес расцвет всех этих чувств к годам детства, обвинив окружающих людей в том, что они загубили эти хорошие семена в его сердце. Этот способ оправдания самый легкий, но он показывает, тем не менее, что потребность в таком самооправдании существовала в душе Печорина.

«Да – говорит Печорин – такова была моя участь с самого детства! Все читали на моем лице признаки дурных свойств, которых не было; но их предполагали – и они родились. Я глубоко чувствовал добро и зло – никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм – другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их – меня ставили ниже их: я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир – меня никто не понял: и я выучился ненавидеть. Моя бесцветная молодость протекала в борьбе с собою и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца: там они и умерли. Я говорил правду – мне не верили: я начал обманывать; узнав хорошо свет и пружины общества, я стал искусен в науке жизни, и видел, как другие без искусства счастливы, пользуясь даром теми выгодами, которых я так неутомимо добивался. И тогда в груди моей родилось отчаяние – не то отчаяние, которое лечат дулом пистолета, но холодное, бессильное отчаяние, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сделался нравственным калекой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла; я ее отрезал и бросил, тогда как другая шевелилась и будила к услугам каждого, и этого никто не заметил, потому что никто не знал о существовании погибшей ее половины».

В этой исповеди много правды, но и она не оправдывает героя; сам Печорин сознавал слабость такой аргументации, когда за несколько часов до дуэли, готовясь к смерти, писал следующие строки: «Пробегая в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А верно она существовала и, верно было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холо-

ден как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений – лучший цвет жизни.

И с той поры сколько раз я уже играл роль топора в руках судьбы! Как орудие казни, я упал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаления... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не пожертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия; я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их нежность, их радости и страдания, – и никогда не мог насытиться...

И, может быть, я завтра умру!.. и не останется на земле ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитают меня хуже, другие – лучше, чем я в самом деле... Одни скажут: он был добрый малый, другие – мерзавец. И то и другое будет ложно... После этого стоит ли труда жить? а все живешь – из любопытства: ожидаешь чего-то нового... Смешно и досадно!»

В этом признании готовящегося к смерти человека больше искренности, чем в предыдущем. Здесь сам Печорин, не взваливая вину на других, принимает всю ответственность на себя и, не отрицая в себе присутствия благородных стремлений и чувств, подчеркивает их бесполезность и бессилие. Характер такого «сильного бессилия» Печорин объясняет пустотой своих стремлений и страстностью своих чувств, направленных в другую сторону. Однако Печорин не задается вопросом, излечима ли эта болезнь. Он как будто помирился с мыслью, что путь его жизни вполне определен, что от будущего ему ждать больше нечего, что духовные силы в нем навсегда подавлены и больше не проснутся.

Что же поддерживало и питало в Печорине его безотрадное состояние духа?

Его разочарование и тоска далеко не так сильны, чтобы сделать его совершенно безучастным ко всему окружающему; гордость и самомнение не настолько овладели им, чтобы поставить его вне всяких сношений с ближними. Его ум и сердце не настолько сосредоточены на нем самом, чтобы убить в нем способность интересоваться людьми и их поступками. Таким образом, у Печорина есть все данные, чтобы попытаться стать к окружающей жизни в нормальное положение, нет только одного – нет желания сделать этой попытки, которая может потребовать от него усиленной умственной и нравственной работы. Для Печорина никаких вопросов жизни не существует: он самовольно отбросил их, не овладев ими сразу. Упорный труд над их разрешением, труд теоретический и практический, утомил его, и он покончил с задачей, пере-

стал о ней думать. Он последовал за течением жизни, не делая попытки направить ее в ту или иную сторону; и по мере того, как сама жизнь наталкивала его на те или другие чувства и мысли, он отдавался им, и потому всегда сам себе противоречил. В его речах и поступках не было никакой последовательности.

В сущности, для Печорина не существует никаких вопросов жизни, ни отвлеченных, ни религиозных, ни национальных, ни общественных, ни нравственных. От вопросов философских и религиозных, когда они ему подвертываются, Печорин отделяется двумя–тремя словами самого общего характера; он бросает какую–нибудь мысль, и не дает себе труда о ней подумать. Осмыслить жизнь на почве веры или умозрения он не пытается. Вопрос национальный или общественный сводится для него к формализму службы. Он носит мундир и исполняет что ему приказано, чем и исчерпываются его обязанности относительно родины. У него нет и других каких–либо понятий об общественных обязанностях умного и интеллигентного человека; таким образом, и на почве сознательного труда он не может достигнуть соглашения с жизнью, и потому пассивно мирится со своим положением. На нравственных вопросах наш герой также останавливается лишь при случае; и мы видели, что его афоризмы о любви, о дружбе и эгоизме не вполне оправдываются его поведением. В общем, у Печорина нет определенной нравственной программы. Все его речи и поступки дело случая; и он сам сознавал это, когда говорил, что «присутствие энтузиаста обдает его крещенским холодом, а частые сношения с вялым флегматиком сделали бы из него страстного мечтателя».

Такая бесцельная и беспринципная жизнь для умного человека на долгий срок немислима.

«У меня несчастный характер: воспитание ли меня сделало таким, Бог ли так меня создал – не знаю; знаю только, что если я являюсь причиною несчастья других, то и сам не менее несчастлив. Разумеется, это им плохое утешение – только дело в том, что это так. В первой молодости, с той минуты, когда я вышел из опеки родных, я стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги и, разумеется, удовольствия эти мне опротивели. Потом пустился я в большой свет, и скоро общество мне также надоело; влюблялся в светских красавиц, и был любим; но их любовь только раздражала мое воображение и самолюбие, а сердце осталось пусто... Я стал читать, учиться – науки также надоели, я видел, что ни слава, ни счастье от них не зависят нисколько потому, что самые счастливые люди – невежды, а слава – удача, и

чтобы добиться ее, надо только быть ловким. Тогда мне стало скучно... Вскоре перевели меня на Кавказ: это самое счастливое время моей жизни. Я надеялся, что скука не живет под чеченскими пулями — напрасно: через месяц я так привык к их жужжанию и к близости смерти, что, право, обращал больше внимания на комаров, и мне стало скучнее прежнего, потому что я потерял почти последнюю надежду. Во мне душа испорчена светом, воображение беспокойное, сердце ненасытное; мне все мало, к печали я так же легко привыкаю, как к наслаждению, и жизнь моя становится пустее день ото дня; мне осталось одно средство: путешествовать. Как только будет можно, отправлюсь — только не в Европу, избави Боже! — поеду в Америку, в Аравию, в Индию — авось где-нибудь умру на дороге. По крайней мере, я уверен, что это последнее утешение не скоро истощится, с помощью бурь и дурных дорог».

Н. Котляревский

Печорин является представителем современной автору светской молодежи. Вот, что пишет автор в предисловии к «Герою нашего времени»: «Герой нашего времени, милостивые государи, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии»...

У Лермонтова образ Печорина создан, отчасти, как портрет типичного представителя современной молодежи, отчасти же выразились в нем мысли и настроение самого автора. Печорин — человек, богато одаренный природой, с сильным умом, крепкой волей; он чувствует в себе «силы необъятные», но не знает, куда их приложить. Он разочаровался в жизни и людях и презирает их. Свои дурные стороны он объясняет влиянием на него окружающей среды — люди искалечили его; вот что говорит он про свое детство: «Все читали на моем лице признаки дурных свойств, которых не было: они явились. Я был скромен, меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло — никто меня не ласкал, все оскорбляли — и я стал злопамятен... И тогда в груди моей родилось отчаяние, не то отчаяние, которое лечат дулом пистолета, но холодное, бессильное отчаяние, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. — Я сделался нравственным калекой». За это он как-бы мстит людям — ему доставляет удовольствие разрушать чужие иллюзии, чужое счастье. Это он, впрочем, сваливает на судьбу: «сколько раз, говорит он, я играл роль топора в руках судьбы! Как оружие казни, я упал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаления». Вообще же, не смотря на его апатичность, разочарованность, кажущееся равнодушие,

он постоянно ищет движения, борьбы; за то, что равнодушие не является природной чертой его характера, а скорей чувством напускным, говорит еще следующее: он постоянно разбирает свои собственные поступки, анализирует свои мысли, свое прошедшее.

Несомненно, что в лице Печорина Лермонтов много воплотил своего, субъективного; полагать, что он описал самого себя, было бы неверно; он воспользовался этой фигурой, чтобы выразить мучившие его ощущения, мысли и т. д. На это указывает и сходство Печорина с прочими героями поэта — Демоном, Арбениным, Измаил-Беем и т. д. — все это характеры сильные, недовольные, ищущие бурь.

Несмотря на тот интерес, который возбуждает Печорин, он все же остается несколько неопределенным, в нем чувствуется отсутствие полной законченности. Законченности и определенности фигуры Печорина, по мнению Белинского, мешает присутствие в этом характере субъективного элемента автора. Вот что говорит он по этому поводу: «Причина этого не в недостаточности таланта автора, а в том, что изображаемый им характер так близок к нему, что он не в силах был отделиться от него и объектировать его... Чтобы изобразить верно данный характер, надо совершенно отделиться от него, стать выше его, смотреть на него, как на нечто законченное. Но этого не видно в создании Печорина. Он скрывается от нас таким же неполным и неразгаданным существом, каким и является нам в начале романа».

Н. Дюнькин, А. Новиков

Вопрос о степени близости Онегина и Печорина остается до некоторой степени спорным. Но связь Печорина со всеми другими героями произведений Лермонтова не подлежит сомнению. Арбенин, Радин, Арсений, Измаил, Демон, Печорин — звенья в развитии одного и того же типа.

Наибольшее сходство, по верному замечанию Н. А. Котляревского, Печорин имеет с Радиным: у них те же черты холодной сдержанности и эгоизма, как следствия горького житейского опыта. Другие черты Печорина: его чуткость ко всему поэтичному, его страстность и несчастная сердечная история, взяты от брата Александра Радиного — Юрия — идеалиста, мечтателя и обманутого жениха. Таким образом, в Печорине соединены два момента в развитии самого автора — момент отзывчивого увлечения и момент холодного недоверия как следствия обманутой надежды. Отличает Печорина от Лермонтова весьма существенная черта — его безделье и полная бесцельность существования. Впервые мы встречаем Печорина в повести «Княгиня Лиговская». Здесь

о нем мы узнаем немного. Это — гордый человек, оскорбленный равнодушием света, обманутый женщиной и потому вымещающий на другой обиды своего самолюбия. Но повесть осталась неоконченной и брошенной после того, как Лермонтов побывал на Кавказе. Вместе с поэтом и Печорин стал серьезнее и сложнее.

Перед нами богато одаренный человек, стройный, широкоплечий, ловкий, искусный во всех видах спорта; он нервен и капризен, склонен к скрытности. В его улыбке было что-то детское, но его глаза не смеялись, когда он смеялся. Это обаятельная личность. Он способен к глубокой любви, восприимчив к красотам природы; натура поэтическая; вместе с тем умный и остроумный человек. Весь соткан из противоречий. Холоден, когда другие в восторге. Готов пылать при виде чужой холодности. Разум и сердце у него не в ладу друг с другом. Несмотря на кажущийся цинизм, он способен к нежнейшей любви. Эгоист, но способен к альтруистическим порывам. На дружбу и друзей да и вообще на всех людей он смотрит только как на пищу, поддерживающую его душевные силы. Все рассматривает он только в отношении к самому себе. Возбуждая в других чувства любви и преданности, он получает необъятное наслаждение. Друзей он не признает, так как считает, что один из друзей непременно раб другого. Тем не менее Печорин не настолько занят собою, чтобы не быть способным интересоваться другими людьми и их поступками. В молодости Печорин был преисполнен лучших свойств, но люди не оценили его, подозревали его, и он назло им сделался таким, каким по своей нравственной пошлости считали его люди. Печорин одарен всеми данными, чтобы стать к окружающей жизни в нормальные отношения, но он не желает этого сам. Он желает жить так... «без руля и без ветрил», отдавшись течению жизни и капризам своей своенравной натуры. У него есть правила чести, но морали он никакой не признает. Он служит, но в службе не ищет удовлетворения ни своему честолюбию, ни общественным инстинктам. По-видимому, он не имеет никаких убеждений, кроме одного презрения к рутине и будничной морали. В религии он немного скептик — будущее ему кажется безотрадным. И вместе с тем он чувствует себя выше окружающих его людей и действительно выше их. Готовясь к смерти, он невольно задает себе вопрос, зачем он жил, для какой цели родился, и делает предположение, что цель была «и верно было мне назначение высокое, потому что я чувствовал в душе моей силы необъятные», говорит он и затем сознается, что «не угадал этого назначения, что утратил пыл благородных стремлений, что его любовь никому не принесла счастья, потому что он

ничем не жертвовал для тех, кого любил»... Признание в высшей степени замечательное, если оно исходит от Печорина, а не автора. Д. Н. Овсяннико-Куликовский определяет Печорина как натуру «резко-эгоцентрическую» и отсюда легко объясняются многие особенности его характера и поведения: ненасытимая гордость, презрение к людям и вместе с тем потребность в них, — даже в таких ничтожных, как Грушницкий; преувеличенная «память сердца», переполняющая Печорина тяжелым осадком былых страданий. Печорин умеет много давать другим, но, занятый всегда собою, не умеет брать от них. Для него слишком много значит его мысль, его чувство, и потому он не может уделять потребную долю внимания мыслям, чувствам и настроениям других людей. Душа его недостаточно сильна «симпатическим воображением», которое связывает человека с человеком, и потому собственная мысль, свое чувство занимают его сильнее всего.

И при всех этих недостатках Печорин казался своим современникам личностью незаурядной, обаятельной, богатой душевными силами, в которой таятся прекрасные возможности. Белинский в типе Печорина видел залог лучшего будущего.

Какие-то психологические нити связуют душу Печорина-Лермонтова с лучшими его современниками: Белинским, Герценом и другими. Не надо забывать, что Печорин явился в эпоху безвременья — переходную эпоху, когда личность пробудилась от порабощения ее казенщиной, рвалась к свободе и независимости, но не нашла еще путей к своему освобождению, не сумела даже как следует поставить на обсуждение трудный и сложный вопрос об отношении своем к обществу. Старое было уже разрушено, а новое еще не пришло. В такую эпоху человек — только «возможность чего-то действительного в будущем и совершенный призрак в настоящем». Белинский, высказавший приведенную мысль, прав и в том, что он говорит о «неясном и недоговоренном» в романе. В переходное время эта неясность и недоговоренность вполне понятны, а в поэтическом произведении и необходимы: они расширяют круг сочувствия, захватывая им людей разного типа, хотя и с однородной психологией неудовлетворенности и искания.

Итак, не случайно было сочувствие лучшей части русского общества Лермонтову-Печорину; вполне логично и враждебное к нему отношение другого мира — официального. Такие люди, как Печорин, были всегда на «дурном счету» у начальства, внушали подозрение бдительным Бенкендорфам, — и не без основания: в эпоху «всеобщаго испуга»

люди, способные не заражаться общим трепетом раболепства, представляли уже отрадное и ценное явление в жизни. И пусть они были «лишними» людьми с точки зрения всевластных Бенкендорфов, отсылавших их под пули чеченцев, — с точки зрения эволюции общества они были необходимыми и полезными протестантами в окаменелом царстве покорности и страха под «рабской личиною усердия к царю»...

К. Арабажин

Печорин тесно связан с передовой общественной мыслью современности. Раздумывая о людях предшествующих поколений, полных веры, цельных и пламенных, Печорин причисляет себя к их жалким потомкам, которые скитаются по земле без убеждения и гордости: «Мы неспособны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного нашего счастья». Людей прошлого поколения он мог наблюдать в городе С.— Ставрополе, месте ссылки некоторых декабристов. Общение Печорина с ссыльными декабристами — факт весьма примечательный. И сам Лермонтов, и его герои не забывали о тех, кто некогда готов был «к жертвам для блага человечества».

Однако Печорин потерял веру в возможность осуществления великих идей, которые вели людей предшествующего поколения на подвиги. «Мы ко всему довольно равнодушны, кроме самих себя», — заявляет он. Его неверие, скепсис и несомненный эгоизм — результат эпохи, наступившей после 14 декабря, нравственного распада, трусости и пошлости того светского общества, в котором вращался Печорин.

Лермонтов скупо говорит о формировании личности своего героя, но сам Печорин в нескольких местах романа приоткрывает завесу над своим прошлым. Он даже Максиму Максимычу говорит, что его «душа испорчена светом». В его исповеди перед Мери отразилась скорбная история увядания человеческой души, горькое раздумье об исчезновении чистоты, скромности, искренности, любви к людям под влиянием лукавства, обид, недоверия и насмешек окружающих. Лучшие чувства, осмеянные светом, приходилось хоронить «в глубине сердца»; удивительно ли, что «они так и умерли»? Теперешний Печорин не верит друзьям, которые легко взведут на его счет «бог знает какие небылицы», не верит возлюбленным, «которые, обнимая другого, будут смеяться» над ним. Дружба, уверяет Печорин, это рабство одного и владычество другого, любовь — это наслаждение сорванным цветком; надышавшись, следует его бросить на дороге, — «авось, кто-нибудь поднимет».

Такой скепсис тяжек, прежде всего, для того, кто его испытывает.

Отсутствие веры в подвиг, в любовь и дружбу и порожденная им неизбежная скука лишают для Печорина жизнь какой-либо ценности: «Что ж? умереть, так умереть! Потеря для мира небольшая; да и мне самому порядочно уже скучно». Всеми своими действиями Печорин доказывает искренность своего заявления. Таков он и в «Тамани», и в «Княжне Мери», и в «Фаталисте».

Не верующий ни во что, безразличный ко всему, лермонтовский герой между тем щедро одарен природой. Сильнее всего проявляется в нем сила острого и глубокого ума, проникающего во все явления жизни. Человек высокой культуры, мысль которого погружалась в философию, а память насыщена фактами из области литературы и истории, Печорин не раз задумывается над основными проблемами бытия: о добре и зле, о предназначении человека и свободе воли, о смерти и религии, любви и дружбе. Он обладает даром понимания сущности человеческих характеров и в особенности человеческих слабостей: недаром он упрекает Грушницкого в том, что тот не знает людских слабых струн. О саркастическом остроумии Печорина свидетельствуют его блестящие характеристики окружающих и отточенные, поражающие завершенностью афоризмы о человеческом счастье, о любви, о свойствах женщин. Остроте его мысли соответствует сила его воли, о которой со смущением говорит Максим Максимыч, с восторгом — Вера.

Образ Печорина раскрыт Лермонтовым в резком противоборстве страстей. При всей своей холодной насмешливости он способен восхищаться природой, глубоко любит искусство, и прежде всего поэзию.

Человек глубокого ума и громадной воли, Печорин сам ощущает свои большие возможности. В откровенной беседе с самим собой, на страницах своего дневника, он признается в том, что чувствует в своей душе необъятные силы, и догадывается о том, что ему было «назначенное высокое», но он все же не знает, зачем он жил и для какой цели родился. Сознание потерянных возможностей преследует его. Оно приобретает различные формы, воплощаясь в образы, дополняющие недосказанные раздумья. Печорин готов причислить себя к тем людям, которые целый век остаются титулярными советниками, а между тем ему известно, что гений, прикованный к чиновничьему столу, должен умереть или сойти с ума. Настойчивое повторение схожих образов придает словам героя оттенок покорности, примирения с судьбой людей его эпохи. Эти образы контрастируют с теми, которые привлекают Печорина как выражение высоких идеалов. Он говорит о том, что хочет кончить жизнь, как Александр Великий или Байрон, вспоминает о ге-

ниях, таящих в себе огромные возможности, о людях «с могучим телосложением». Этот отбор образов свидетельствует о жажде таких подвигов, таких героических дел, для которых нет простора в николаевском царствовании: герой себя ощущает «прикованным к чиновничьему столу», и именно в этом основная причина всего его мироощущения.

Однако характер Печорина нельзя объяснить исключительно обстоятельствами, тем самым оправдывая свойственные ему отрицательные черты. Герой лермонтовского романа — современник Белинского, Герцена, Огарева, самого Лермонтова и ряда других передовых людей.

Лермонтов критически подходит к своему герою. Силы Печорина разбрасываются по мелочам, он вечно увлекается «приманками страстей пустых и неблагодарных». Вся его жизнь, рассказанная в романе, — это главным образом цепь донжуанских подвигов, изобретательность, блеск, завлекательность которых не прикрывает их ничтожности. Любовь Печорина никому не приносит счастья, и встреча с ним — источник страданий. Внешне сдержанный и холодный, он старается скрыть от других, а порой и от себя самого чувства любви и дружбы, боясь чьей-то насмешки над искренним порывом. Когда умирает бедная Бэла, Печорин в ответ на наивное утешение Максима Максимыча смеется; однако сам штабс-капитан отмечает, что Печорин был долго нездоров, исхудал. Он унизил гордую Мери, истерзал ее сердце, но ему жаль ее, отчаяние бедной девушки для него «невыносимо», и он, забыв свои взгляды на брак, готов упасть к ее ногам.

Сложность и богатство личности Печорина отражается в сложности и разнообразии его языка. Печорин владеет поэтической образной речью, насыщенной литературными цитатами. Высокая культура Печорина проявляется в его склонности к отвлеченной философской и научно-терминологической речи (магнетические влияния, романтический фатализм и т. д.). Речь его, иногда простая, четкая и непритязательная, обычно заостряется блестящими афоризмами, неожиданными сравнениями, умелым и едким пародированием (французских фраз Грушницкого), приобретает порой оттенок романтической фразеологии.

Сам Лермонтов отмечал в предисловии жизненность и типичность своего героя. Белинский указал, что Лермонтов в своем произведении «объективировал современное общество и его представителей».

Высоко ценя «силу духа и могущество воли» Печорина, критик готов видеть даже в самих пороках его проблески «чего-то великого»:

«...он прекрасен, полон поэзии даже и в те минуты, когда человеческое чувство восстанет на него».

Силу духа признавал в Печорине и Чернышевский, но он значительно более резко, чем Белинский, отметил эгоизм героя: «У него душа действительно очень сильная, жаждущая страсти, воля у него действительно твердая... он он заботился только лично о самом себе». Добролюбов находил в Печорине черты обломовцев, отмечая в нем отсутствие практической деятельности на благо человечества.

Печорин является нравственным отрицанием светского общества: он на голову выше его и презирает его, но он несет на себе и многие его родимые пятна.

С. Петров

Идейное и историко-литературное значение романа

Значение романа Лермонтова в истории русской литературы и русской общественной мысли очень велико. В романе «Герой нашего времени», который Белинский назвал «грустной думой о нашем времени», широко отразилось общество того времени, показан и объяснен в образе Печорина характерный тип эпохи.

В предисловии к роману автор говорит, что в Печорине он дал «портрет, составленный из пороков» всего «нашего поколения», т.е. того поколения, которое осуждено в «Думе» Лермонтова. Но благодаря глубокому анализу этого образа в романе, особенно в повести «Княжна Мери», мы понимаем, что в «пороках» Печорина повинно общество и общественно-политический строй того времени.

Мы понимаем, что наше возмущение должно быть обращено, прежде всего, против тех общественных условий, которые не давали возможности одаренным людям найти применение своим «необъятным силам», заглушали их хорошие задатки, способствуя развитию дурных.

Очень хорошо сказал о Печорине Белинский, выступивший на защиту лермонтовского героя от нападков реакционной критики: «Вы предаете его анафеме не за пороки, – в вас их больше и в вас они чернее и позорнее, – но за ту смелую свободу, за ту желчную откровенность, с которой он говорит о них... Да, в этом человеке есть сила и могущество воли, которых в вас нет...»

Плох тот порядок, дурно то общество, которое коверкает, делает «лишними», ненужными наиболее одаренных людей, – так говорит Лермонтов своим романом. Но и Печорин как представитель поколения, заклеянного в «Думе», также осужден в романе. Осуждая Печорина, поэт тем самым указывает, что для России нужны другие люди, люди цельные, здоровые духом, способные действовать, несмотря на тяжкие условия, которые им ставила жизнь.

В романе разоблачена и осмеяна – в образе Грушницкого – модная в то время игра в разочарованность.

Таким образом, в «Герое нашего времени» произнесен приговор порядкам современной поэту России, дворянскому обществу, его представителям.

Большое значение имело появление в романе образа Максима Максимыча. Этот «чисто русский тип» (по выражению Белинского) только намечался в русской литературе. Тщательная разработка этого образа у Лермонтова отражала углубление внимания к простым людям, означала усиление демократической струи в литературе.

Образом Максима Максимыча Лермонтов утверждал: именно среди ничем не примечательных, незнатных, невидных, небогатых, простых есть люди духовно здоровые, цельные, достойные глубокого уважения.

«Герой нашего времени» был большим шагом вперед в развитии русской художественной прозы. В сокровищнице русской литературы ко времени его появления уже были такие произведения в прозе, как «Повести Белкина», «Пиковая дама», «Капитанская дочка» Пушкина, «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», «Петербургские повести» Гоголя. Но ни у Пушкина, ни у Гоголя в прозаических произведениях мы не видим еще такого глубокого интереса к психологическому анализу, т.е. к анализу внутренних переживаний героя, какой мы находим в романе Лермонтова.

А. Зерчанинов, Н. Колокольцев, В. Литвинов

Высокую оценку дали «Герою нашего времени» замечательные русские писатели прошлого.

Гоголь признавался, что до Лермонтова «никто еще не писал у нас такой правильною и благоуханною прозою». Толстой считал «Тамань» «совершеннейшим» созданием русской поэзии. Чехов просто говорил:

«Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова. Я бы так и сделал: взял его рассказ и разобрал бы, как разбирают в школах – по предложениям, по частям предложения... Так бы и учился писать».

Не только художественное мастерство поэта привлекает наше внимание к роману, но и глубокое проникновение Лермонтова в действительность и его дерзновенный порыв в будущее.

Г. Абрамович, Ф. Головенченко

Творчество Лермонтова с наибольшей полнотой и с предельной художественной силой выразило идейные течения и настроения, характерные для 30-х годов XIX в. В эпоху мрачной реакции Лермонтов будил

протест против политического и социального гнета, звал к борьбе, раскрывал трагическое положение в крепостническо-самодержавном обществе мыслящих передовых людей, указывал, что «спасение находится только в народе» (Добролюбов).

Чернышевский и Добролюбов, горячо любившие поэзию Лермонтова, указывали на огромную роль Лермонтова в истории развития русской общественной мысли.

Горький ценил в Лермонтове большого художника-реалиста. В пессимизме Лермонтова Горький видел «презрение к современности и отрицание ее, жажду борьбы и тоску, и отчаяние от сознания... бессилия». Горький указывал, что в стихах Лермонтова звучат ноты жажды деятельности, «активного вмешательства в жизнь».

Роль Лермонтова в истории русской литературы огромна. Некрасов и Салтыков-Щедрин, Брюсов и Блок, Огарев и Полонский испытали на себе влияние поэзии Лермонтова. Лев Толстой признавал, что Лермонтов близок ему как поэт, впервые в русской литературе поставивший вопросы о судьбах и правах человеческой личности, остро выдвинувший моральные проблемы.

В наши дни Лермонтов – один из любимейших поэтов.

С. Флоринский

Несмотря на то, что тип Печорина был скорее типом единичным, чем собирательным, он пришелся по вкусу тогдашнему обществу и очень ему понравился. Печорин не стал «героем» своего времени в тесном смысле этого слова; но люди того времени могли иногда принимать его за своего героя, и по весьма понятным причинам. Тип был обрисован очень заманчиво; ум и благородство Печорина импонировали, его печаль и раздумье трогали читателей, а внутренняя пустота и растерянность героя перед трудными вопросами жизни были искусно прикрыты эффектной внешностью. Те из читателей, которые были равнодушны к одной лишь красивой позе, легко могли перенести свои симпатии с туманных героев Байрона на Печорина, заменить истрепанный и обветшавший костюм – новым.

Люди более серьезные, со своей стороны, также нашли в Печорине нечто родственное их сердцу.

Русская жизнь тридцатых годов XIX века поставила многих умных людей в одинаковое с Лермонтовым положение. Для них была одинаково трудна задача примирения идеалов с жизнью, так как с каждым годом общественное сознание в них возрастало. Многие, как и Лермонтов,

могли утомиться в этой трудной погоне за идеалами, к достижению которых путь был совершенно не расчищен. Отчего не предположить, что им могла, хотя и на короткий срок, быть по сердцу пассивная и безотрадная житейская философия Печорина? Чем богаче запас духовных сил умного человека, тем безотраднее момент его душевной усталости, когда он в этих силах начинает сомневаться. В тридцатых годах такие моменты усталости у людей умных и даже более развитых, чем Лермонтов, были не редкостью. Жизнь стала требовать сознательного и строгого к себе отношения, ее разрозненные явления нуждались в обобщении; она налагала на умного человека нравственные обязанности, понять которые и точно разграничить было делом очень трудным. Эпоха была в полном смысле слова переходная: нужно было вырабатывать новое мировоззрение и стараться провести его в жизнь. Человек либо начинал действовать, не оправдав раньше разумом своих поступков, либо с готовым и цельным мирозерцанием сидел без дела, по причинам от него не зависящим. Такое несогласие между умом, сердцем и жизнью могло временами приводить людей к апатии, в которой человек, сохраняя свою гордую и умную внешность, переставал на время принимать живое участие в жизни и предоставлял себя в полное распоряжение ее случайностей.

Печорин был, таким образом, и понятен, и симпатичен своим современникам; но он все-таки «героем» своего времени назваться не может. Он не был настоящим типом или характером: он отражал лишь один момент в истории одного типа, момент важный, но не долго длящийся; он не был Онегиным своего времени.

Н. Котляревский